

Верочка решительно надвинула поглубже красную шляпу с большими полями и зашагала волнующей походкой. Получалось хорошо, только спина сразу устала. Идти надо было как по ниточке, при этом покачивать бедрами и чтобы юбка так... р-раз влево, р-раз вправо, а потом завивалась вокруг коленок. Еще и туфли на каблучке с ремешками, это просто йога какая-то после привычных кроссовок. Верочка надеялась, что хотя бы глаза из-под полей шляпы сверкают соблазнительно. Но, после вчерашнего вечера, надежды было не много.

Двадцать три года жизни прожито как попало! Не ставила перед собой цели — раз. Не ухаживала за своей красотой — два. Не пользовалась древней женской магией — три. А все норовила валяться на диване и читать книжки про сыщиков. Только сыщик с седыми висками был красив, богат, умен и в книжке, а она... да, что говорить! Но вчера привычный ход вещей нарушился.

Когда утром на работе она привычно шуршала входящими-исходящими в своем углу, в кабинет проскользнула завхоз Тамара Михайловна, вся в красных пятнах от волнения и, припав к широкой спине начальницы канцелярии, зашептала ей в ухо страшным шепотом, который был отчетливо слышен даже за дальним столом. Ужас, кошмар, у директрисы в кабинете завял последний букет живых цветов, а уборщица, совершенно безответственная дура, не привезла с дачи новый. И теперь надо скидываться на магазинный букет, и быстрее, либо — конец света! — ставить на стол горшок с цветущей фиалкой. Фиалкой! Могучая спина не реагировала, но, дождавшись, когда шепот был уже готов перейти в истерику, наконец-то повернулась. Начальница канцелярии милейшая Валерия Николаевна наслаждалась паникой на корабле. И только дав отчаянию несчастной дойти нужной точки, согласилась взять на себя переговоры с директрисой о размещении — только на один день! — горшка с фиалкой на первом столе учреждения.

— Не знаю, не знаю, Тамара Михайловна, что вы будете делать! Прямо дети малые без меня. И та еще, бестолковая, как можно было букет не привезти! Уж казалось бы не первый год работает... В чем дело, ты куда, Вера? Вера!

С Верой как раз в этот момент и произошло неприятное событие. Ее попросту стошнило, она едва успела добежать до туалета и благо еще, что тот оказался незапертым. Ополаскивая руки и лицо холодной водой, она меланхолично думала, что ей

ведь почти удалось. Почти. Она получила нормальную работу, многие даже и завидовали. Она продержалась целое слишком жаркое лето. Несмотря на запахи котлет и копченых сосисок, лопающихся в микроволновке в обеденный перерыв. Не смотря на духоту и заклеенные скотчем форточки. Несмотря на... в общем, какая разница, что именно она вынесла, если сейчас она стоит с мокрым лицом в туалете и не может заставить себя пойти назад в кабинет.

Но пойти, конечно, пришлось. Коллеги сидели с пытливыми лицами, Тамара Михайловна на всякий случай даже с осуждающим, а Валерия Николаевна, как капитан пиратского судна, встречала Верочку скрестив руки на груди:

— Что это, Вера, — начала она как бы ласково, но с некоторой особой интонацией, сулившей допрос с пристрастием, — что-то съела ты или как? Может кефир несвежий на завтрак попила?

— Нет, все нормально, — пискнула Вера.

— Значит, беременная, — заключила Валерия Николаевна. — И ведь только взяли! Она уже и беременная. Да, точно вам говорю, наверняка, и устраивалась уже в положении. Всех обманула! Понаберут таких-то, а они потом в декрет. Да хорошо еще до декрета бы доработала, а то заляжет на больничный. А я предупреждала! Говорила! А наша мне: «Она не замужем!» Наивная.

«Нашей» Валерия Николаевна называла директрису, близостью с которой чрезвычайно гордилась, и каждый обед с энтузиазмом сервировала стол для совместных обедов в директорской подсобке.

— Чтоб никаких мне больничных! — приказала она Верочке, и тут же повернулась к Тамаре Михайловне: — Что за молодежь, ну лишь бы не работать!

Тамара Михайловна тут же поджала губы, выражая отношение честного работника к «таким-то». Вера хоть и была уверена, что не беременна, но... но вдруг? Вдруг они правы? Вон ведь как все сходится у них. Действительно, и пришла на работу недавно, и тошнило в туалете, и не замужем она. Она посмотрела на Валерию Николаевну почти с испугом:

— А можно мне... за свой счет? День... два. Два можно?

— На учет встать? — догадалась многоопытная начальница, — ну, пиши заявление на два дня. Подпишу сама у нашей. Иди сейчас прямо! Считаю, сегодня не приходила. Сегодняшний день тебе и пятница на обход врачей. В понедельник, чтоб как штык на работе. Поняла?

— Да, да, конечно, — слабым голосом отозвалась Верочка, сгребая в сумку ручку, карандаш, блокнот, все, что не хотела оставлять на работе. — До понедельника.

Но ни к какому врачу, она, разумеется, не пошла. Вместо этого она набрала телефон Фаины и коротко рассказала о том, что у нее есть два свободных дня, и два выходных, и большое желание больше никогда-никогда не приходиться на работу. А вопрос заключается только в одном — белое или розовое брать.

— Бери обе две! — распорядилась Фаина. — А грейпфруты не бери, у меня есть. Курицу главное не забудь, а я картошку пошла чистить.

Когда лучшая подруга велит взять курицу и сообщает, что уже начала чистить картошку, становится понятно, что парочкой мартини дело не ограничится, и Верочка проявила разумную предусмотрительность, чтоб потом два раза не бегать. Сумки разом потяжелели, зато весело позвякивали, и к Фаине Верочка пришла уже почти выздоровевшая.

— Витюня? — встретила ее Фаина, оперев руки в бока. Сегодня на ней было рекордное количество браслетов, цепочек и еще каких-то штук, название которых Верочка никак не могла запомнить. Практичная Фаина была в своем любимом балахоне, который вообще-то был домашней одеждой, но в случае внезапного приключения (кто знает, как сложится вечер?) мог сойти и за платье.

Верочка только фыркнула. «Витюня!» Тоже, скажет глупость какую-то. Витюня был ее старым любовником. Вообще-то не таким уж старым, всего на пятнадцать лет старше, но вспоминая о нем, она мысленно называла его только так. Это было выражение сродни выражению «старая сумка». Что-то надоевшее, чем пользуешься неохотно, хочешь поменять на новое, но пока ленишься... А вот выражение «старые джинсы» не подошло бы, думала Верочка, старые джинсы вещь любимая. Отношения с Витюней Верочку не то чтобы устраивали, но как-то не мешали. Немного раздражала его манера разговаривать — ласково, до сюсюканья, а так ничего. Она даже притерпелась к его вечным хвастливым рассказам о своих мужских победах, думая обычно в такие моменты о своем. «Тебе от меня только одного и надо!» — обижался Витюня. «Это уже немало», — рассеяно отвечала Верочка. Иногда ей казалось, что только ее равнодушие до сих пор держит Витюню рядом с ней, а впрочем, какая разница?

— Эй, очнись! — крикнула из кухни Фаина. — Курицу пожарить или запечь? От чего тебя не тошнит, подруга?

Пришлось объяснять про работу. Что чувствует какое-то совершенно дикое, лесное одиночество. Что ей уже не раз говорили, что она странная. И что сегодня ей от всего этого стало так тоскливо, что вот... Организм выдал такую странную — опять «странную»! — реакцию.

— Ну? И что? Будем искать тебе другую работу? — деловито закусывая грейпфрутом, спросила Фаина.

«Все-то у нее запросто», — засомневалась Верочка. Проблема была в том, что она и правда ощущала себя странной. А ведь от себя не убежишь. Говорят, твоя проблема пойдет вслед за тобой. Боже, как это все грустно...

— Давай напьемся для начала, — сказала Верочка, — как там картошка, сварились?

И они напились. И Вере стало хорошо от мартини, и картошки, и курицы, она смеялась, изображая в лицах то завхоза, то широкоспиную Валерию. От работы плавно перешли на мужчин и тут уж совсем хохотали до слез над Витюней и над Фаиными приятелями. В отличие от Веры Фаина предпочитала молодых. Относились к ним как к породистым жеребяткам, но уж и дрессировала их соответственно. «Иногда думаю, — говорила Фаина, — Не купить ли мне ботфорты по самую попу и хлыст? То-то радости будет. Но с выбраковкой хлопот много. Пока подберешь себе чемпиона...». Вера уже даже смеяться не могла.

— А если серьезно, — сказала Фаина, — тебе надо найти свою судьбу.

Учитывая, что «судьбой» Фаина обычно называла всех своих друзей, так и говорила «судьба № 1», «судьба № 2», в воздухе запахло чем-то тоскливым, вроде сайтов знакомств.

— Зачем? — уперлась Вера. — Это что-то из твоих штук?

— Это реально работает! — горячо заговорила Фаина. — Я теперь так всегда делаю, и во всем! И своего последнего так нашла, и одежду так покупаю. Надо только слушать себя, — и она торжественно положила руку на грудь, — быть готовой ко всему. Жить надо так, чтоб тошнило не от скуки, подруга!

Так и получилось, что сегодня Вера вышла из дома, наряженная в парадные туфли, купленные еще на выпускной, и в Фаину шляпу. Правда, с тяжелой головой после вчерашнего. Зато в этой тяжелой голове было пусто-пусто, прямо-таки идеальные условия для развития интуиции. И не успела она отойти и нескольких метров от дома, как на ближайшей же помойке ей встретился трехцветный котенок. Он громко мяукал, призывая то ли мамку, то ли ее, Верочку. В растерянности Вера опустилась на корточки и начала его гладить. Тельце у котенка было мелкое, худое, косточки

легко прощупывались, а голос громкий, пронзительный. Неужели надо его взять? Трехцветный, все-таки. Говорят, они счастье приносят. «Это все? — подумала она. — Можно идти домой, судьба уже нашла меня? Это значит, что быть мне старой девой и жить с кошками. Господи, я не готова!»

— Ты, что ль, Верк? — раздался сзади едкий голос.

Вера обернулась. Соседка тетя Тоня стояла с мусорным пакетом и глядела на нее во все глаза.

— Кошек уже подбираешь? А шляпу-то, глянь, нацепила. Будешь, как твоя мать, всю жизнь кошек помоечных кормить! Ох, и странная ты, девка!

И тут Вера разозлилась. Злость она ощутила как прилив адреналина и впервые в жизни поняла до чего ж это приятно. Сузив глаза, она почти пропела:

— Здравсте, тетя Тонь! А я никак Настю вашу вчера видела? В гости, наверное, приехала? По родному дому соскучилась? И как только муж отпустил.

Пару дней назад Верочкина мама принесла со двора новость: Тонина дочь, которую с трудом удалось пристроить замуж, и Тоня даже бегала свечку ставить на радостях, вернулась из замужа домой. Муж, хоть и валенок, а терпеть ехидну не захотел и вернул сокровище теще. Настя, привыкшая добиваться всего скандалами, обозлилась почему-то на мать. И Тоне теперь надо было либо дальше лелеять свою принцессу, либо искать другого принца.

— Не твое дело! За собой смотри, кобыла! — плюнула Тоня и, быстро выкинув пакет, заторопилась в сторону магазина.

На душе у Веры запели птички, оказалось, что немного зубастости в жизни не помешает. И как прекрасно тонизирует! Она посмеялась немного над своим только что придуманным каламбуром («Тоня — тонизирует»), и, прибавив шаг, вышла, наконец, на ближайшую улицу. Охота за счастьем началась.

Значит, как там вчера Фаина ее учила? Так... первая встречная машина красная. Надо искать большое красное. Ага. Вот. Большая красная вывеска магазина. Так, и что? Режим работы до двадцати ноль-ноль. Хм... ну, давай, что ли поищем на какой-нибудь машине номерной знак с двадцаткой. И проследим куда она направляется... Как пить хочется! Надо зайти в магазинчик. «Девушка, бутылку воды без газа, маленькую!». А на бейджике-то у нее «Светлана». Я где-то видела магазин с таким названием. Или это была парикмахерская?

К обеду ноги буквально отваливались, Вера чувствовала себя русалочкой, добровольно согласившейся на пытку ради любимого. Из побочных эффектов поиска имелись две пачки чипсов, бутылка пива, свежий маникюр, и пачка сигарет. А судьба все не находилась.

Вера бы и бросила давно это занятие, но воспоминание о работе заставляло ее идти до конца. Нет. Назад пути нет. Иначе, не вылезать ей из служебного туалета до конца дней, хроническая интоксикация организма обеспечена.

Что ж, если нельзя вернуться, можно хотя бы отдохнуть, и Вера свернула в парк. Хорошо как, пусто в парке. Спортсмены, бегающие по дорожкам, уже отзанимались, шумные дети уведены мамками на обед, а молодежь, наверное, еще и не проснулась.

«Я здесь почти одна», — подумала Вера, блаженно вытягивая ноги, и подставляя лицо холодноватому, августовскому солнцу. Небо сегодня было синее-синее, каким оно бывает исключительно в конце лета, в тени под деревьями уже скапливался за ночь холод и расплзался потом по всему парку деревенской свежестью. Пахло уставшей травой, землей и даже опавшими листьями. Вера достала из сумки пиво, шуршащий пакет чипсов, немного повозилась, все это открывая, и принялась обедать. Вкус ее обеда напоминал счастливую пору бестолковой юности, когда они с Фаиной бегали в этот парк тусить. И этот холодок, и яркое небо, и вкус пива и глю-

томатные эти чипсы, ну какое же было тогда счастье! И все казалось еще впереди, надо только дождаться будущего. Кто ж знал тогда, что в будущем ее ждут входящие-исходящие... Нет-нет, эту мысль надо отогнать прочь. Не сегодня. Лучше еще чипсинку. Еще глоточек. М-м-м, блаженство.

Внезапный грохот рядом со скамейкой заставил Веру буквально подпрыгнуть. Молодой человек в белой футболке и черном плаще уронил рядом с ней странный деревянный ящик, с приделанными к нему металлическими ножками. Что за грохот. Ой, да это же мольберт. Вера не знала, что в городе есть художники. Детей с мольбертами видела, а взрослых нет. Она повнимательней присмотрелась к парню. Одет интересно. Наверное, было бы даже стильно, если бы одежда не была такой потрепанной. Старенькие джинсы, футболка немного растянута, плащ, кажется, вообще с чужого плеча. Но все чистое. Она перевела взгляд на его сокрушенное лицо. Он рассматривал отвалившуюся от мольберта ногу...

— Четвертый раз! Скоро уже нельзя будет починить, если я и дальше так буду ронять.— Его по-детски пухлые губы надулись от досады, а на щеках выступил густой румянец. И только кудрявая прядь, упавшая ему на лоб выглядела веселой. «Как у козленка из мультика»,— подумала Вера.— «Ну, совсем ребенок!» — умилилась она, и тут же разозлилась на себя. «Ребенок вполне взрослый, а я скоро паутиной покроюсь, если буду всех молодых людей сравнивать с Витюней. Это он старый, а...».

— Как вас зовут? — спросила Вера.

— Борис.

«...а козленок Борька как раз мне подходит»,— мысленно закончила она и улыбнулась кудрявому художнику. Молодой человек явно приободрился, разглядывая ее шляпу.

— А я Вера, очень приятно познакомиться. Вы писали тут картину?

— Я начал пейзаж,— признался Борис,— но когда я буду его заканчивать, уже всюю будут жечь листья...

— А это что-то меняет?

— А как же! Я хотел, чтобы глядя на мою картину вы бы прямо чувствовали этот запах костра из осенних листьев. Но как его передать?

Вера задумалась.

— Наверное, дым... и он меняет цвет неба, хм, но не везде, а только местами. Например, тут будет синее-синее, и золотые кроны, а тут костер и дым поднимается и он такого цвета...

— Вот-вот,— обрадовался Борис,— какого? И давай на «ты», да?

— Цвета перца с солью. Давай на «ты».

— М-м-м,— помычал Борис задумчиво,— это как приправа?

— Ну, или как окрас у собак. Или как седина, когда она только начинается.

— Над этим надо подумать,— серьезно сказал Борис,— ну и раз уж я тебя напугал, можно угостить тебя кофе?

— И где мы его будем пить? — засмеялась Вера, или у тебя там, в мольберте, термос есть?

— Зачем же, тут есть прекрасное кафе, разве ты не знала? — и повел Веру в один из домов, прилегающих к парку, где в полуподвальном помещении действительно расположилось маленькое кафе на три столика. Вера с удивлением разглядывала стены, покрашенные серой краской, сколоченные из досок столы и скамейки, покрытые прозрачным лаком. Красиво. В углу было маленькое пространство бара, где скучал за книжкой молодой бармен в черной футболке. Борис молча ткнул пальцем в строчку «кофе» и показал бармену два пальца. Уселись за столик под окном. Из окна были видны кусты, кусочек небо, несколько раз чьи-то кроссовки пробежали мимо окна, потом процокали лодочки и Вера сказала:

— Здесь как в мастерской Мастера, когда он каждый вечер ждал свою Маргариту, а она прибегала и стучала ему тупелькой в окно, помнишь?

Этот вопрос был проверкой. Люди, которые не знали про Мастера и его Маргариту, Веру не интересовали в принципе, такое у нее было правило.

— Мастер это тоже художник? А, нет, здесь глухонемые кафе открыли, для своих. У меня просто сосед друг детства, ну и не возражают, когда я прихожу. Правда, всегда один приходил. Но, думаю, они не против, разве им жалко, когда девушка красивая? — козленок Боря смотрел на нее нежно и с восхищением из под кучерявой челки.

Дзынь! Звякнула кофемашина. Но Вере в этом коротком дзыньканье послышался звук оборвавшейся нити, за которую был привязан воздушный шарик. Голубой воздушный шарик, привязанный к ее макушке и наполненный с правилами, интеллигентностью, самомнением и прочей ерундой. Стало так легко-легко, будто это был не шарик, а пудовая гиря на ноге, и еще почему-то стало смешно... Она сидит в фантастическом месте, о котором ничего раньше не знала, она пьет кофе, напротив сидит красивый юноша, который смотрит ласково и явно хочет более близкого знакомства. Какого черта, а? Какой Мастер? Какая Маргарита? Если не сейчас, если не с этим молодым художником, то где она? Да, может быть, это судьба, права была Фаина.

К вечеру Вера и Борис, веселые и наболтавшие вволю, пришли к нему домой. Ему непременно захотелось показать свой дом. И он водил ее по комнатам, прижимая к себе все более ласково и настойчиво. «А вот тут была комната деда. Сначала моя раскладушка стояла рядом с его кроватью, а потом он выделил мне целую отдельную комнату. А тут была наша мастерская. Вот тут стоял дедов мольберт, а у того окна мой, маленький. Дед грунтовал мне холсты, покупал краски, он всерьез готовил меня в великие художники. Что? Нет, он умер прошлой весной. Мать жива, но... мы не видимся, мы не очень интересны друг другу. Вот. Посмотри, это картины деда, а это мои. Не смейся, это я рисовал еще в первом классе. Между прочим, дед сказал, что для первого класса очень неплохо. А вот тут фотографии деда и бабушки, она умерла и потом он больше не женился. А вот тут наш с дедом тайник, хочешь сладкой наливки? Мы делали сами из вишни. Есть еще из смородины и клубники, ты что хочешь? Иди ко мне, какие у тебя сладкие губы, это от клубники. Всегда буду поить тебя клубничной наливкой».

Вера чувствовала себя счастливой, доброй и пьяной. Это было так хорошо! Жаль, что нельзя было прожить так всю жизнь. Ей стало казаться, что Борис превратился в большого ласкового котенка, который мурлычет и трется о ее ноги своей шелковой спинкой. Ах, да у него на самом деле совершенно шелковая кожа, и похоже он на самом деле мурлычет. Иди сюда, я почешу тебя за ушком! Ах, ты ко-о-отичка...

Проснулась она очень рано. Так на нее действовал алкоголь. Проснулась и засмеялась. Что-то вчера случилось важное. Повернув голову, она увидела своего художника, сладко спавшего на пышной пуховой подушке. Наверное, тоже дедушкино наследство. Протянула руку и провела слегка по щеке. Ну, точно, шелковый. За ночь не отросла щетина? Совсем птенец. Она полежала, вглядываясь в незнакомые черты, пока холодок не начал пробираться мурашками по шее. Раньше таких приключений у нее не было и ей чуть было не стало неудобно. Она украдкой глянула в телефон. Несколько непринятых вызовов от Фаины. Вера знала, что сейчас сказала бы Фаина. Как девушка прагматичная, она сказала бы: «Во-первых, успокойся. Ну, случайный секс, с кем не бывает. Во-вторых, руки в ноги и беги, пока не проснулся. Ты понимаешь, что он может оказаться кем угодно? Наркоманом, извращенцем, бандитом, больным, да мало ли кем? Господи, хоть одну на улицу не выпускай. То от Виттони не можем избавиться, то понесло ее по кочкам».

Чтобы дать достойный отпор воображаемой Фаине, Вера перестала ее слушать и встала с постели. «Кто сказал, что секс еще не повод для знакомства? Нет, дорогуша, ты сама отправила меня искать судьбу. Вот и поглядим, что он скажет, когда проснется. О-бя-за-тель-но познакомлюсь!» — Вера даже разозлилась на Фаину в своей голове. Побыстрее накинула футболку своего... ммм... своего... ладно, не важно. Борину футболку она надела и пошла в поисках ванной комнаты и кухни.

Со всеми процедурами уложилась в пятнадцать минут. Как бы она ни храбрилась перед самой собой, но занимать надолго ванную в чужом доме она не рискнула. Умытая и причесанная, Вера уселась возле окна с чашкой крепкого чая и мысли потекли более приятным образом. «А может быть и не ругалась бы Фаина. Ведь мы договорились искать судьбу, значит, готовы к риску, верно? Думаю, она сейчас сказала бы: дорогая, пока он спит, осмотришь как следует, проверь — куда ты попала», — и Вера улыбнулась заговорщической улыбкой рискованной девчонки. Немного правда царапала мысль, что после двух чашек кофе, стакана клубничной наливочки и обоюдного секса, ее случайный любовник сладко сопит в подушку, а она терпеливо ждет, когда он проснется, чтобы узнать... что? Понравилось ли ему? Будет ли он с ней встречаться? Была ли она достаточно хороша, чтобы он не пожалел о вчерашнем вечере? Почувствовав, что начинает злиться, Вера встала и решительно осмотрелась.

Воздух в доме немного отдавал печкой, интересно, как давно ее топили. Маленькие окна пропускали совсем мало света, под окном разрослись кусты жасмина. Как же он пишет тут картины? И где они, кстати, где его желтый деревянный мольберт с отломанной ногой? Где запах краски? Вера осторожно ступала босыми ногами по царапанным доскам пола, опасаясь, что они заскрипят.

Маленькая дверь, обитая голубой клеенкой, со старой металлической ручкой в виде скобки вдруг привлекла ее внимание. Вроде бы вход в дом с другой стороны, так куда ведет эта дверь? В кино часто показывали дома с задней дверью, ведущей в сад, но это было зарубежное кино. Вера осторожно коснулась стальной ручки... Вибрация телефона заставила ее подпрыгнуть. Сердце заколотилось. «Фаина» высветилось на экране.

— Не мешай мне! — зашипела Вера в трубку. — Что названиваешь? Потом! Я сказала, потом! Да, нормально все, отстань!

Когда Фаина, наконец, удостоверилась, что ее подруга жива-здорова, Вера открыла таинственную дверь, и оказалась на старой, светлой террасе. Большой, выходящей высокими, до потолка, решетчатыми окнами, на запущенный сад и низкий покосившийся забор. А дальше поля и поля, и землисто-желтые кроны тополей в посадках и пруд. Работы Бориса и его деда хранились на террасе. Загрунтованные холсты в углу, готовые картины на стенах и на полках этажерки. Тюбики краски повсюду, россыпи карандашей на столе, кисти в банках с вонючим растворителем, палитры. Вера взяла одну кисть и попробовала, набрав на нее краски из тюбика, нанести на холст. Она думала, что получится сочный золотистый мазок, но на поверхности холста остались лишь какие-то желтые царапины. Везде свои хитрости, так просто не порисуешь. Вера засунула кисть обратно в банку и взяла с подоконника большую грушу. Откусила, приготовясь вытирать с подбородка сок. Но мякоть была плотной, медово-сладкой. Сок тек по зубам, когда она раздавливала ими грушу, аромат заполнял рот, виляя вокруг ноздрей, напоминал то ли о рае, то ли о счастливом детсадовском детстве. Кажется, она немного испачкала нос. Вера взяла со стола тряпку, казавшуюся чистой, чтобы вытереть лицо, и обнаружила под нею старенький трогательный акварельный набор. Наверное, еще от бабушки остался. Каждая краска была в отдельном прозрачном кирпичике, а на ветхой голубой коробке золотистые буквы и ярко-красный кружок с таинственным знаком. Краски назывались «Ленинград», ка-

кое милое, забытое слово. Мама иногда так называет нынешний Питер, когда смотрит новости. «Вера, ты только послушай, какая в Ленинграде погода...».

Вера положила надкушенную грушу в большую керамическую миску, стоявшую тут же. Борис, наверное, использовал ее для натюрмортов. Подумав, добавила к груше еще две, целых. В груди всякого хлама на столе нашла кусок белой плотной бумаги подходящего размера. Затем она вернулась к двери и, приоткрыв ее, послушала, не проснулся ли хозяин? Нет, абсолютная тишина. Спит богатырским сном. И, закрыв поплотней дверь, Вера уселась рисовать.

Она задумчиво рассматривала белый лист. И ей начинало казаться, что она видит картину, готовую проступить на листе. Тонкими-тонкими штрихами, с помощью острого карандаша, оставляющего едва заметные серые линии, она рисовала очертания гладкой миски, старой деревянной рамы, далекий пруд. Груши легли толстыми налитыми боками, и стало видно, какие они тяжелые. Потом Вера придвинула к себе корытца ленинградской акварели и палитру. Груши желтые, миска синяя, рама коричневая. Поле зеленое, пруд серебристый, небо синее. Так. Все понятно. Но неожиданно для самой Веры в грушах вдруг проступил нежный розовый румянец, и она послушно нанесла это на бумагу, в синей миске вспыхнули алые блики. Вера удивилась, но и тут не стала спорить. А потом вдруг увидела все разом. Рамы оказались сиреневыми, она так их и рисовала, пруд прикинулся тонкой белой полоской, зелень полей переходила в желтизну, а груши с самого спелого боку вдруг покрылись коричневыми точками, как гречишный мед.

Вера мазала, тыкала, штриховала, щедро зачерпывала и смело мешала цвета. Несколько раз на цыпочках бегала менять воду, молясь, чтоб хозяин не проснулся. Перерыла всю мастерскую в поисках подходящих для палитры обрывков бумаги, они у нее быстро заканчивались. Чем дальше продвигалась работа, тем медленней и осторожней приближалась кисточка к картине. Вера стала отходить к дальней стене и оттуда смотреть, прищурившись. Потом подходила, вдумчиво смешивала на палитре новый оттенок и делала всего одно легкое касание. Одну точку нужного оттенка. И снова отходила смотреть и думать.

Наконец наступил момент, когда она больше не смогла прикоснуться кисточкой к бумаге.

Быстро, почти торопясь, Вера вытащила из груды хлама в углу фанерку нужного размера и приколола к нему кнопками свой рисунок. Немного наклонила фанерку. В одну сторону, в другую. Краска не текла. Тогда Вера вынесла фанерку в коридор, пристроила ее на какой-то стол, торопливо разыскала свою одежду, набрала номер такси. Вернулась, посмотрела на сладко спящего юношу. Борис повернулся во сне на другой бок, вздохнул и зарылся в подушку. Ну, разве он виноват в том, что она не может вести себя как нормальная девушка? Разбудить поцелуем, завтрак в постель, то-се... Вера быстро написала свой номер телефона на бумажке и положила записку на тумбочку рядом с ним. Если захочет, позвонит.

Ждала на улице, обхватив себя руками в утреннем холоде и любясь, как уличный свет по-новому освещает ее рисунок. Но что-то все равно скребло на душе, что-то было не так. На забор вспрыгнула трехцветная кошка и стала умываться, тщательно терла лапкой заспанную физиономию. Какие же все-таки уютные эти кошки! Они терпят хозяина, иногда дают себя погладить, иногда требуют ласки. Когда такси уже подъехало, Вера аккуратно пристроила картину на заднем сиденье, проверяя, надежно ли, не свалится ли, не дай бог. И, уже садясь в машину, вдруг попросила подождать минуточку. Быстро вернулась в дом. На цыпочках, стараясь не дышать, тихо-тихо вошла в спальню, схватила с тумбочки записку с номером, сунула в карман, и вышла, не оглядываясь.

Когда отъезжали от дома, опять завибрировал телефон. Вера в задумчивости поднесла трубку к уху:

— Да? — ей не хотелось разговаривать.— Да. Что и искала, то и нашла. Не сейчас. Я тебе перезвоню.

И она села вполоборота, чтобы разглядывать то, что жило теперь на бумаге: низенький забор, дальний лес, пруд и тяжелые спелые груши на подоконнике.

В тот же день Веру видели в магазине, покупающей краски, кисти и специальную бумагу для акварели. В понедельник она отнесла на работу заявление об увольнении и позвонила Фаине:

— Привет! Ты знаешь, я решила завести котенка. Здесь у нас во дворе бегал один, трехцветный.